

Чжоу Цзэи внимательно оглядел вошедшего.

Тот был лет двадцати, высокий и стройный, словно молодое деревце, склонившееся под порывом ветра. Его черты лица отличались утонченностью и изяществом, словно сошедшими с картины, — такого человека невозможно было забыть.

Вдовствующая императрица велела ему выпрямиться и представила Чжоу Цзэи:

— Это Нин Юэчжи. В прошлом... его фамилия была Доу, он твой дальний родственник.

Десять лет назад император Сюаньу приказал казнить принцессу Аньпин и Хоу, Увековечивающего Государство. Весь род Доу, к которому принадлежал Хоу, подлежал истреблению по закону.

Императрица тайно спасла мальчишку из боковой ветви рода Доу, чья жизнь ничего не значила. Она сменила ему имя на Нин Юэчжи и сделала евнухом, чтобы он прислуживал ей во дворце.

— Юэчжи одного возраста с тобой, и судьбы ваши схожи. Он умен и проницателен, непременно станет твоей правой рукой. Отныне он будет неотступно следовать за тобой, и любые поручения ты можешь смело доверять ему.

Нин Юэчжи поклонился Чжоу Цзэи:

— С этого дня я готов ради Вашего Высочества пройти сквозь огонь и воду, не страшась смерти.

— Юэчжи, завтра отправляйся в резиденцию генерала Чжэньбэй, встретиться с Линь Цэ. У меня нет с ним глубокой связи, и я мало о нем знаю. Разузнай, что он из себя представляет, постарайся найти побольше рычагов давления, чтобы Цзэи было проще им управлять.

— Слушаюсь, Ваше Величество.

— Цзэи, отныне ты будешь жить во дворце Юнтай, где в детстве жила Аньпин. Отдохни как следует несколько дней, нам предстоит тяжелая битва.

— Юэчжи, проводи Цзэи в его покои.

Чжоу Цзэи и Нин Юэчжи поклонились и вышли из дворца Чаннин.

Северная часть столицы — район, где проживала высшая знать и сановники.

Изящные павильоны с резными балками и расписными карнизами утопали в густой зелени за высокими стенами, а широкие вымощенные камнем улицы дышали роскошью и достатком сильных мира сего.

В северо-восточной части квартала возвышалась усадьба, над чьими алыми воротами красовалась табличка с позолоченной надписью Резиденция генерала Чжэньбэй. Каллиграфические знаки, выполненные, по слухам, рукой самого императора Сюаньу, отличались мощью и величием.

Великий генерал, подавляющий Север, Линь Цэ долгое время жил на границе и прежде не бывал в столице. Однако император, желая отметить его заслуги и явить свою безграничную милость, пожаловал ему этот особняк.

Усадьба была построена по высшему разряду, положенному лишь титулованной знати Наньчао. Она занимала огромную территорию, и даже несмотря на то, что хозяин ни разу не переступал её порога, все покои были обставлены, а в доме постоянно проживала горстка слуг, поддерживающих порядок.

Вернувшись в столицу, Линь Цэ вместе со своими пятью сотнями личных воинов мог без промедления заселиться сюда, не заботясь о ночлеге.

В десяти ли от резиденции располагался один из самых оживленных торговых кварталов столицы.

Там стоял ресторан, владельцем которого, поговаривали, был высокопоставленный чиновник. Благодаря изысканным блюдам и приятной обстановке его облюбовала знать, а новости здесь разлетались быстрее ветра.

В главном зале рассказчик вещал о последних событиях, заставляя даже важных гостей из отдельных кабинетов на вторых и третьих этажах прислушиваться к его словам.

— Великий генерал Линь болен!

Ударив по столу колотушкой, он продолжал с пафосом:

— Хоть генерал Линь и молод, он с юности на войне. Сколько бы ни был он храбр, на его теле не счесть шрамов от мечей и стрел!

— Говорят, в той решающей битве с полководцем Бэйянь Мужун Сяо, когда он срубил голову вражескому военачальнику, сам тоже получил удар.

Рассказчик провел рукой по своему телу от левого плеча до правого бока:

— Эта рана была такой глубокой, что видна была кость. Даже такой богатырь, как генерал Линь, полгода восстанавливался, прежде чем смог нормально двигаться.

— А те шрамы, что остались, так же ужасны, как и его маска демона-цилиндя, наводящая страх на врагов.

— Кроме груди, у него на спине три глубоких шрама от меча и три следа от стрел.

— И это не считая бесчисленных мелких отметин — все они свидетельства его доблести в защите нашего государства!

Зал взорвался восторженными криками, славящими героя Наньчао, оросившего пески кровью врагов.

— Генерал Линь столько лет провел в походах, всегда шел впереди войска, участвовал в бесчисленных сражениях, и его здоровье давно подорвано.

— Климат Шэнцзина сильно отличается от северного, и генерал, едва вернувшись, не выдержал смены условий. Прошло всего три дня, как он слег.

— Сейчас он никого не принимает, его воины не подпускают к нему ни души, и что происходит в резиденции — неизвестно.

Толпа зашумела, слышались вздохи сочувствия.

— Неужели нельзя пригласить дворцового лекаря?

— Я знаю, в столице есть искусный врач, если генерал позволит, я готов немедленно его позвать.

— У меня есть народное средство от акклиматизации...

Пока столичный люд переживал за здоровье генерала, сам он, якобы прикованный к постели, вовсю упражнялся с воинами во дворе.

Мелькали копья и алебарды, клинки сплетались в плотную серебряную сеть. Линь Цэ, оказавшись в центре, взмахнул алебардой, рассекая воздух с силой, способной расколоть горы. Взвились вихри, убийственная аура наполнила двор, и все нападавшие рухнули на землю.

Охранники лежали, не решаясь подняться. Линь Цэ нахмурился:

— Что с вами? Вернулись в столицу и стали такими слабаками? Не ели? Или размякли в тепле и растеряли весь боевой дух?

Лежащие воины молчали — они знали, что в последние дни генерал особенно раздражен и дерется с особой жестокостью.

Чжуюэ стояла в стороне, сложив руки на груди. Вдруг она услышала гневный, но чистый голос:

— Чжуюэ, иди сюда, подеремся.

Чжуюэ замерла. Генерал был не в духе из-за Чжоу Цзэи и искал выход эмоциям. Кто знает, будет ли он жалеть её, женщину? Если она, как эти воины, будет валяться в пыли, это будет позорно.

Она скривила губы:

— Я не ела, сил нет. Вечером пусть Чжуйсин с тобой упражняется.

Линь Цэ цыкнул и снова повернулся к лежащим на земле:

— Встать! Еще раз!

Воины скривились:

— Генерал, мы тоже не ели, мы голодны.

Линь Цэ невольно усмехнулся:

— Бездельники.

— Вставайте, идите на кухню, пусть вам приготовят побольше. Чего хотите — просите. Не позорьтесь, будто с голодного края приехали.

Воины, словно получив прощение, вскочили на ноги.

Чжуюэ осмелела:

— Генерал, говорят, в одном ресторане в столице готовят отличную жареную курицу.

Линь Цэ на мгновение замер, затем нетерпеливо махнул рукой:

— Иди, иди. Не обязательно постоянно торчать в резиденции. Всё равно тебя здесь никто не знает.

— Только если влипнешь в историю, не говори, что ты из моего войска.

— Поняла, — уголки губ Чжуюэ приподнялись. — Если что, скажу, что я из отряда Великого генерала Чжэньнань.

Линь Цэ рассмеялся:

— Умная.

В этот момент вошел Сунь Юдэ и протянул Линь Цэ визитную карточку.

Линь Цэ даже не взглянул:

— Разве я не сказал всем, что болен и никого не принимаю?

С тех пор как стало известно о его возвращении, поток посетителей не иссякал. От знатных вельмож до мелких чиновников — все хотели встретиться с прославленным генералом.

Сблизиться с ним означало получить огромные выгоды. Особенно те, кто метил на трон, жаждали переманить его на свою сторону. Мнение человека, командующего тремя тысячами воинов, могло решить судьбу всей империи.

Линь Цэ не хотел ввязываться в эту мутную воду, но был вынужден тайно объединиться с вдовствующей императрицей Дун, чтобы помочь Хуай-вану Чжоу Цзэи взойти на престол. Его показная болезнь была своего рода демаршем против императрицы.

Сунь Юдэ указал на имя в карточке: Нин Юэчжи.

— Это человек императрицы.

Линь Цэ недовольно нахмурился:

— Имя кажется знакомым. Кто он такой?

Сунь Юдэ пояснил:

— Он евнух, которого императрица воспитала с детства. Человек проницательный, стиль действий...

— В делах жесток и не гнушается никакими методами.

— Ему всего двадцать три, а он уже занимает пост Санци чанши третьего ранга.

Третий ранг — это предел для евнуха во дворце. Нин Юэчжи был правой рукой императрицы,

самым влиятельным евнухом при дворе.

— Он пришел сюда явно по приказу императрицы, чтобы обсудить, как помочь Хуай-вану, — настаивал Сунь Юдэ. — Генералу лучше с ним встретиться.

Пока дело не сделано, Линь Цэ придется оставаться в столице. Чем скорее Чжоу Цзэи взойдет на трон, тем скорее он сможет уехать.

Взгляд за маской демона-цилиня стал холодным, как лезвие:

— Пусть войдет.

Направляясь в дом, он сбросил верхнюю одежду:

— Проведи его через черный ход. Он не достоин входить через главные ворота.

Чжуюэ поспешно подхватила халат и последовала за ним в спальню.

Линь Цэ, оставшись в легком белом исподнем, откинул одеяло и лег на кушетку, изображая больного, ожидая прихода Нин Юэчжи.

Вскоре Сунь Юдэ привел гостя и остановился у порога.

Нин Юэчжи прошел прямо к кровати, сложил руки в приветственном жесте и с подобострастием произнес:

— Приветствую генерала.

— Хоть я и был в столице, имя генерала гремело давно, и я глубоко уважал вас. Сегодня, наконец, выпала честь встретиться, это великая удача.

Линь Цэ прищурился, изучая этого молодого, но могущественного евнуха.

Спустя мгновение он холодно спросил:

— А где Чжоу Цзэи? Такие дела нужно обсуждать с ним лично.

Нин Юэчжи ответил ровным, слегка небрежным тоном:

— Его Высочество только что покинул поместье Увековечивающего Государство Хоу. Он десять лет не видел императрицу, им о многом нужно поговорить. Императрица тяжело переживала утрату сына, и эти дни он проводит рядом, утешая её и воздавая сыновний долг.

— Я пришел лишь проведать вас, генерал.

— Что касается остального, — он хитро улыбнулся, — дело слишком серьезное, обсудим его, когда генерал поправится. Спешка ни к чему.

— Как видите, господин Нин, акклиматизация, сил совсем нет, — Линь Цэ играл свою роль небрежно. — Вы всё видели, можете возвращаться и доложить императрице.

— Юдэ, проводи...

Он не успел договорить «гостя», как Нин Юэчжи перебил его:

— Я ничтожный человек, как смею я принимать такое обращение от генерала.

— Господин Нин шутит, — усмехнулся Линь Цэ. — Вы первый Санци чанши, доверенное лицо императора. Даже если ваш ранг всего лишь третий, ваш голос весит куда больше, чем у любого чиновника.

— Стоит мне случайно оскорбить вас, как вы в паре слов перед императрицей или будущим государем превратите мою голову в жертву.

<http://bllate.org/book/20257/2020360>